

Трагическій духъ и ненавистники.

I.

На-дняхъ въ Петербургѣ мнѣ сказалъ одинъ офицеръ генеральнаго штаба: «Они (т. е. нѣмцы) сами не понимаютъ, какихъ демоновъ они выпустили». Офицеръ сказалъ это спокойно и какъ бы торжественно. И, сколько мнѣ ни приходилось разговаривать за протекшія десятокъ дней съ простыми рядовыми, офицерами, генералами и штабными, у всѣхъ я замѣтилъ одно выраженіе, — очень серьезнаго спокойствія; у не-военныхъ, особенно читающихъ подъ-рядъ всѣ выходящія за день газеты и листки, навививается, отчасти искусственно, озлобленіе противъ нѣмцевъ; военные же всѣ идутъ туда какъ на большое общее дѣло, словно вся Россія стала однимъ хозяйствомъ, прислѣло время жатвы, и всѣ, взявъ серпы, двинулись дѣлать большое дѣло.

Подобное отношеніе чрезвычайно характерно для русскихъ, и въ немъ — залогъ величайшей силы не для одной этой войны, а для всего грядущаго, для духовнаго и культурнаго роста молодой и великой своимъ горѣнцемъ, своей

бездольностью, своей человечностью Россіи. Въ Германіи вспыхнула давно сдерживаемая пенетровая ненависть къ русскимъ, — ненависть, какъ мнѣ кажется, вполне понятная, которую можно было предвидѣть, но нельзя предупредить: нѣмцы всегда чувствовали въ насъ новую культуру, еще намѣчающуюся и нестойкую, но совсѣмъ противоположную ихъ желѣзному, биржевому, позитивному, математическому вѣку. Ядро нашей культуры было имъ враждебно и непонятно, и еще непереносимѣе казалась наша растерянность, неуверенность, неряшливость, пренебреженіе очевидностью; большинство профѣзжихъ черезъ Германію русскихъ казались имъ безвольными, какими-то бѣлыми червяками, которыхъ стоитъ только раздавить. Нѣмцы съ трудомъ переносили русскаго, который, зайдя въ табачную лавочку на Фридрихштрассе спросить, который часъ, справится, въ которомъ часу уходить поѣздъ, выѣсто потребовавшихся папирсъ кушить ящикъ сигаръ и расскажетъ что-нибудь неподходящее про себя и про жену. Именно такими насъ представляютъ нѣмцы. Сущности всего этого они не понимали. Достоевскаго усвоилъ только Ницше. И при этомъ мы населяемъ пятую часть земнаго шара, и отъ часть отчасти приходится зависть Германіи экономически. Настала война, и вспыхнула эта ненависть, — роковая ненависть цѣлой культуры, правда, не старой, —

быть-можетъ, всего за сорокъ лѣтъ. На русскихъ же нѣмцы выпустили всѣхъ демоновъ разрушенія и ненависти, взлѣбляемыхъ ими за сорокъ лѣтъ.

Даже характеръ войны съ нами иной, чѣмъ на нѣмецкой западной границѣ: тамъ идутъ полевые сраженія, стремительныя наступленія; для насъ же они приготовили гигантскія могилы — Торнъ и Кенигсбергъ, первокласснѣйшія крѣпости, на ремонтъ которыхъ въ прошломъ году было истрачено четверть миллиарда, гарнизонъ которыхъ равенъ двумстамъ пятидесяти тысячамъ штыковъ.

И вотъ въ отвѣтъ на эту ненависть по всей Россіи пролетѣлъ трагическій духъ. Все переходящее: борьба партій, личная жизнь, настроенія, неустройство, упорительная наша, отлично разработанная литературой, неврастеша, — все отошло какъ море отъ береговъ; и то, не проявленное, смутное ядро новой культуры, сердце наше, воля наша, спокойствіе наше, то, что выведетъ насъ, а быть-можетъ, и остальные народы, изъ желѣзнаго тупика, оторветъ отъ механической, берлинскаго издѣлія, зажигалки для папирсъ, обнажилось впервые. Въ одинъ день пролетѣлъ надъ страной трагическій духъ, — духъ пониманія, спокойствія и роковыхъ, мировыхъ задачъ, и народъ пошелъ на предназначенное и неизбежное дѣло, — связать одержимаго, уничтожить бѣсовъ разрушенія и ненависти.

II.

Тотъ же офицеръ генеральнаго штаба сказалъ: «Мнѣ кажется, общество до сихъ поръ не сознаетъ, какими жертвами мы должны выиграть эту войну. Подъ Льежемъ убито двадцать пять тысячъ нѣмцевъ. Но Льежъ есть только фланговая стычка трехъ германскихъ корпусовъ, тогда какъ у нихъ на французской границѣ два миллиона войскъ. За всю франко-германскую войну семидесятаго года было убито семьдесятъ пять тысячъ нѣмцевъ. Въ нашу японскую войну подъ Шахе убито сорокъ тысячъ, а Шахе — одинъ изъ серьезнѣйшихъ боевъ, а не фланговая стычка. Красный Крестъ приготовилъ пятьдесятъ тысячъ двойныхъ кроватей, но нужно *съ двадцать разъ* больше, чтобы обслужить кое-какъ армію. Общество должно приготовиться къ огромнымъ жертвамъ. Это будетъ не война, а медленное уничтоженіе противника. Наши войска будутъ не слѣпа продвигаться и укрѣплять занятія пространства. Разъ занятое мѣсто назадъ быть отдано не можетъ. Путь до Берлина трудный и медленный, но въ немъ по возможности должно избѣгнуть случайностей, которыхъ тѣмъ больше, чѣмъ движеніе быстрое и легкомысленнѣе. Намъ предвидѣно все, что можно предвидѣть. Общество не должно требовать стремительнаго патиска, молниеносныхъ побѣдъ; отдѣльныя стычки, побѣды и пораженія корпусовъ ничего еще не

III.

Мгновенно и незамѣтно каждый изъ насъ сталъ участникомъ мировой трагедіи. На каждомъ шагѣ совершаются ничтожныя по выраженію, но великія дѣла. Я стоялъ въ редакціи у открытого окна во дворъ, глядя, какъ молодой коренастый мужикъ, должно-быть, младшій дворникъ подметааетъ мусор у ящиковъ съ бумагой. «Саша-ка, — раздался въ это время голосъ внизу изъ окна, — повѣстку тебѣ прислали, на войну тебѣ идти». Дворникъ остано-вился, посмотрѣлъ туда, откуда былъ голосъ, затѣмъ сказалъ: «Ну, что-жъ» и продолжалъ мести. Вхавшій со мной въ вагонъ прапорщикъ запаса, ниже-неръ, рассказывалъ, какъ въ Оренбургской губерніи, гдѣ села рѣдки, а хутора отстоятъ на пятьдесятъ — сорокъ верстъ одинъ отъ другаго, мобилизація прошла въ восемь съ половиной часовъ, причемъ непонятно было, какимъ образомъ разнеслась съ такой скоростью

вѣсть о войнѣ, только видѣли киргизовъ, которые носились по стени на косматыхъ лошаденкахъ. Запасные бросали работу, выпрягали въ полѣ воза и телеги, и пѣшкомъ и верхомъ собирались отовсюду на ближайшіе пункты. Тяжело было только слышать плачь женщинъ, провожающихъ мужей. По всей Россіи раздался этотъ плачь: дру-го солдатъ и забудеть, добравшись до пункта, про свои дѣла, а услышнть, какъ заранѣе поминаютъ его бабы, и растревожится и нахмурится, но никто самъ по себѣ не вернулся назадъ.

Въ Парижѣ есть Общество подъ названіемъ «Возбудители округовъ». По праздникамъ члены этого Общества, одѣтые въ полувойенные костюмы, ходятъ по своимъ округамъ, трубя въ трубы, неся знамена, распывая военные пѣсни. Этими они напоминаютъ каждому французу о Седанѣ и о реваншѣ. Съ утра французы еще подмигиваютъ и посмѣиваются, но къ вечеру уже начинаютъ ихъ разбирать злость. Французы не могутъ равнодушно слушать ни звука военной трубы, ни пушечнаго выстрѣла. Въ глазахъ ихъ начинаютъ пробѣгать сумасшедшій огонекъ, и еще мгновеніе — они становятся героями. Героизмъ ихъ пышный, великолѣпный, я думаю, единственныи, до-шедшій до насъ героизмъ римскихъ легионеровъ, чьи слова и дѣла вырѣзывались на мраморѣ. Смѣнные въ мирное время, эти «возбудители округовъ» вне-

запно приобрѣли теперь трагическій смыслъ: когда весь Парижъ разваливался въ пышности, золотѣ, обжорствѣ, когда только полуголодные по-ѣты съ лѣваго берега Сены вошли о вѣчной красотѣ, одни эти «возбудители» повторяли, проходя по улицамъ: «Все равно, придется идти на Эльзасъ». И вотъ пробѣжалъ первый сумасшедшій огонекъ, раздался первый выстрѣлъ изъ Льежа, и робкій призывъ «возбудителей» подхватилъ весь народъ. Теперь, когда въ Парижѣ хоронили перваго убитаго солдата, — Франція была уже другой страной, какъ-будто не стало на ея плечахъ 120 лѣтъ. Какъ одинъ человекъ, Франція кинулась на востокъ во имя славы, во имя великихъ идей. Съ такой силой нѣмцамъ съ ихъ ненавистничествомъ, съ ихъ идеей распространенія бензиновой зажигалки бороться нельзя.

Трагическій духъ коснулся Франціи, сжегъ все наносное, все лѣживое, разбудилъ древнюю, очень древнюю доблесть романской культуры. У насъ же въ Россіи не пробуждается, а, можетъ-быть, впервые возникаетъ, утверждается въ сознаніи у всѣхъ, отъ Петербурга до мужицкой некрытой избы, идея единаго цѣлаго, единой культуры.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.